

Советское общество как оно было или о том, почему не бывает ничего плохого и в чем захлебнулся коммунизм

(Отрывок из книги «Поезд отправляется»

www.literatur-viktor-prieb.de)

Некоторые полу-умные поняли происходящее с февраля 1986-го года в Москве – и не без оснований – как привычный акционизм и очередную кампанию партийной номенклатуры с одной единственной целью – впрыснуть народу обещаниями свободы, как перед Революцией и сразу после нее, немножко энтузиазма, воодушевить этим энтузиазмом к героической работе и за счет этого попытаться еще раз оживить жалкое, приведенное коммунистами к полному развалу и загнанное, как лошадь, американцами с помощью гонки вооружений советское хозяйство.

Основание к этому недоверию давал сам предводитель Перестройки – он ни разу не забывал после своих пылких призывов к реформам сделать ударение на том, что он убежденный коммунист и твердо остается на проложенном партией пути построения коммунизма!

Огромная часть народа – среди них также множество совсем умных экс-интеллектуалов – просто давно уже спилась и не верила – опять же с полным правом – ни во что больше, кроме водки. Их лозунг был:

– Не бывает ничего плохого – бывает мало водки!

Этот лозунг был обобщением одной давно уже ходовой и несколько циничной шутки:

– Не бывает плохих женщин – бывает мало водки!

Идея этой шутки была настолько же успешной, насколько примитивной и для беспросветного народа глубоко филисофской. Спасительная сторона этой философии была сразу же опознана безбожным народом и превращена почти в его новую религию. С тех пор можно было снова и снова повсюду слышать:

– Не бывает плохой погоды – ...,

– Не бывает плохого оклада – ...»,

– Не бывает плохой жизни – ...».

В конечном итоге именно эта филисофия и привела коммунизм – вкупе со всеми его догмами – к захлёбу.

Первый за долгие времена мало-мальски умный коммунист – предводитель Перестройки – тут же опознал опасность этой религии и как первый шаг Перестройки попытался истребить алкоголь – то есть ту самую водку – в корне. Виноградники на Юге, которые собственно имели мало отношения к водке, особенно в Сибири, были беспощадно вырублены. Питейные лавки были сведены до одной единственной на целый город или район.

Эти единичные места паломничества с оставшимися водочными лавками превратились в места цветущего черного рынка и в выставки самой разнообразной техники. Вокруг тысячеголовых водочных очередей стояли экскаваторы, тракторы, автобусы, самосвалы, грузовые и легковые автомобили, сельскохозяйственные машины даже асфальтовые катки и вообще все, что могло еще ездить и ходить. Так что не только люди, которые давно уже предпочитали питание работе, но и вся техника были окончательно выключены из производства. Таким образом партией и ее новым

кормчим был достигнут эффект – как это часто случалось и случается в политике и не только в коммунистической – совершенно противоположный желаемому.

Кроме того, народ начал – после того как были начисто выпиты все парфюмерные лавки и аптеки – пить все, что плещется и что позволяло заподозрить в себе хоть какие-то следы спирта или какого бы то ни было еще одурманивающего воздействия, включая лаки, химикалии и тому подобное, и даже ингалировать – одно из совершенно новых и тут же внедренных в практику изобретений народа – пары, например, бензина. Это привело к закономерному и быстрому вымиранию части народа от кошмарных отравлений.

Коммунисты, похоже, пытались снова и снова доказать, что они могут все же чего-то делать лучше, чем ненавистные и проклятые американцы, и слепо перлись при этом в те же самые ловушки: во все еще длившуюся «вьетнамскую» войну в Афганистане, например, а теперь еще и в «сухой закон», который выплюнул в жалкое и издыхающее советское хозяйство не меньше мафиози, чем в США во времена Алькапоне. Мафиози, которые потом, после сношения коммунизма на погост и отречения партии от престола, превратились рука об руку с бывшими партийными функционерами, которые во времена Перестройки заблаговременно перевели все партийные и государственные деньги в самые различные, специально для этого созданные и им подчиненные кооперативы, в «новых русских».

Из-за этой антиалкогольной активности в своей попытке «осушить» русский народ предволитель Перестройки потерял с самого начала доверие и поддержку подавляющего большинства населения, мгновенной и суровой реакцией которого на этот акционизм было ужесточение до крайности и до полного нигилизма его новой религии:

– Не бывает вообще ничего, если нету водки!

Когда Отец спросил однажды в этот период на одной из их конференций своего коллегу – профессора из Петербурга и одного из ведущих ученых в его области, как прошла предыдущая конференция в Москве и неужели в Москве тоже не продают водку, тот ответил так же коротко и отчетливо, как когда-то кавказский друг Отца на калыме на Севере:

– На хрена бы мне сдалась та конференция, если бы еще и в Москве не было водки!

То есть тоже по принципу:

– Не бывает плохих конференций – бывает мало водки!

Или на новый лад согласно высказыванию профессора:

– Не бывать конференциям в Москве, если в Москве нету водки!

При этом открытый и умный профессор не был ни алкоголиком, ни даже просто пьяницей, любил однако же на русский лад хлопнуть при случае стопку водки и, главное, не скрывал этого, как это было принято повсюду.

Самой «гнилой» из всех групп населения была все же та часть полностью неумных, которую можно обозначить как рабская часть. Это был единственный продукт коммунистической системы, чье создание было завершено и было совершенным! Этих людей нельзя при этом даже обвинить в их убогом образе жизни и примитивнейшем мышлении. Вина лежит единственно и исключительно на системе, которая семьдесят лет производила свои дьявольские эксперименты над собственным народом, отупляла и деградировала его и только это делала с успехом.

Идеальный коммунистический человек типа «совок» – на Западе известный больше как „*homo soweticus*“¹ – был создан! Он стоял молча, терпеливо и послушно, как

¹ «человек советский»

прикованный, во всех очередях, которые организовывали коммунисты посредством все новых – если было надо, то и искусственно созданных – дефицитов, чтобы подвесить отдельных людей на этих длинных очередях, как на длинных нитях, и манипулировать ими, как марионетками.

Если человек стал в какую-то очередь или был туда поставлен, то ему надо обладать единственной способностью – способностью выстоять эту очередь до ее или собственного конца, смотря потому, что наступит раньше.

Такого «совка-очередника» можно узнать сразу по его лицу. Это лицо навсегда закаменело в выражении, которое отчетливо дает понять каждому его ближнему:

– Я вижу тебя насквозь! Даже и не пытайся пролезть вперед и забрать в итоге *мой* кусок колбасы!

За этот кусок колбасы – этот мираж в конце его очереди – он готов был биться зубами и когтями даже против стоящих рядом с ним – тех же равных ему коммунистических людей-братьев, не говоря уже о нарушителях любого сорта со стороны.

Были созданы очереди за квартирами, за машинами, за местами в детские сады или в пионерские лагеря, за распределяемыми работающими в тесном сотрудничестве с партией профсоюзами путевками в санаторий или на поездку в разрешенное куда-нибудь и даже очередь на вступление в коммунистическую партию. Единственно куда не было очереди – это в концлагеря и в тюрьмы, хотя и они тоже давно уже были переполненными и стали дефицитными.

Некоторые очереди были длиной в пару десятков лет, другие в пару лет или в пару километров, как те за водкой после введения «сухого закона». Весь народ – быть может за исключением только ведущих партийных функционеров и асоциальных элементов – стоял в них и висел на них и управлять таким народом проще всего.

С точки зрения «стоятеля» в очереди можно даже, вооружившись несколько извращенной логикой, лучше понять происходившее в этом «дурдоме» в течение семидесяти лет. Принципы этой логики были бы, например, следующие:

– Чем больше миллионов людей будет уничтожено, тем скорее продвинутся во всех очередях оставшиеся: во-первых, остается меньше стоящих в очередях, во-вторых, создается для распределения в очередях больше пустых квартир и прочего добра от уничтоженных и осужденных!

Народ не был болен умопомрачением, когда восторженно приветствовал свое собственное убийство или уничтожение других народностей или народных групп – таких, например, как немцы-колонисты. Народ точно знал и ценил выигранные им при этом преимущества и наивно верил в то, что его все это не коснется, а всегда коснется только его соседа.

Чтобы эта предпосылка не оставалась просто наивной верой, а и реально выполнялась, советские граждане, коллеги, соседи и даже родственники доносили друг на друга на каждом шагу даже без того, чтобы их принуждал к этому или просил об этом НКВД или КГБ. Люди еще и сохраняли при этом их висельный юмор и шутили над самими собой:

– За что сидишь? – спрашивает один заключенный другого.

– За лень сажу! – отвечает другой.

– Как так? – удивляется первый.

– Да очень просто! – охотно поясняет ему другой. – Общались я как-то вечером за бутылкой водки о том и о сем с моим соседом. Когда он ушел, я прикинул – пойди сейчас сразу настучать на него или может быть завтра утром. Из-за чистой лени решил пойти завтра. А когда я на завтра проснулся, они уже пришли за мной – сосед не

поленился и настучал на меня в тот же вечер. Вот за то и сижу теперь – за свою собственную лень!

Вся Поволжская немецкая автономная республика, как и другие немецкие колонии без такого автономного статуса, обезлюдела в один день в результате поголовной ссылки ее жителей за Урал и геноцида и была выдана вместе со всем оставшимся имуществом: меблированными домами, скотом и добром – советским очередникам к распределению.

Никого и не должно тогда удивлять, если получившие их такой тяжелый выигрыш в этом советском «лото» очередники хватаются еще и сегодня за свои дробовики и грозят вторым Сталинградом, если кто-то из сегодняшних политиков Германии и России предстанет перед ними с идеей, хотя бы эту, между делом загаженную, ни к чему больше не пригодную и все-равно никому не принадлежащую землю вернуть тем самым, еще оставшимся в живых немцам-колонистам.

Можно даже сказать, учитывая освобожденные от частной собственности и царящие семьдесят лет отношения, что «народ-совок» – народ сталинских пионеров – был и остается прагматичным. Таким же прагматичным, впрочем, каким всегда был и любой – не обязательно даже свободный от частной собственности – народ, включая и воспитанный в «Hitlerjugend»² германский народ.

С другой стороны, если кто-нибудь придет и попытается из сострадания реорганизовать очереди или отменить их вообще – тот будет просто растоптан этим народом, поскольку он представляет собой опасность для личного, выстоянного за многие годы места в очереди.

Система, которая выращивает таких генетически видоизмененных людей и для этого специально создает голодовки, нехватку квартир и общий тотальный дефицит – потому что невысказано себе представить, чтобы трудолюбивый русский народ, несмотря на изнурительную работу во все эти годы не произвел бы ничего для себя, не смог бы себя прокормить и вопреки такому, недоступному никакому другому народу в мире богатству в земле, в ее недрах и в природных ресурсах не стал бы богатым – несколько не лучше, чем нацистская система Третьего Рейха.

Ответственная за эти преступления коммунистическая партия должна была бы, собственно, быть навеки осуждена к проклятию, уничтожению и запрету, как это случилось с нацистской партией Германии. Но кто же должен был устроить такой суд?! Коммунизм же никогда не был побежден извне, чтобы быть потом осужденным победителями. Все коммунистические режимы изжили себя изнутри и преобразовались уютно вместе со всеми его партийными функционерами – безо всякого их *reeducation*³ – и со всеми украденными ими у собственного народа деньгами и государственной собственностью в нечто посткоммунистически-раннекапиталистическое и даже во что-то псевдо-демократическое.

Именно эта рабская часть народа, к которой собственно принадлежало большинство коммунистического общества – за исключением малой части, включающей в себя асоциальные элементы и алкоголиков, которая выпала из этого общества и с тем потеряла ее место в очередях – стояло глухой стеной против определенных так неопределенно предводителем Перестройки реформ. Это большинство стало оружием в борьбе против Перестройки, которое изобретательно и успешно применялось всеми другими – в том числе региональными партийными функционерами и администраторами – на местах.

*

² Союз гитлеровской молодежи в Третьем Рейхе по типу советской пионерской организации

³ переучивание